

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРИНЦИП ОТЕЛЛО

МОСКВА

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Ангел мщения
С первого взгляда	Первый шаг к пропасти
Второй подарок судьбы	Вкус запретного плода
Зеленые глаза викинга	Исповедь обманутой жены
Тайна, приносящая смерть	Свидетельницы зла
Цвет мести – алый	Королева отшельников
Не доставайся никому!	Игры небожителей
Чужая жена – потемки	Грех с ароматом полыни
Возвращаться – плохая примета	Кукла-любовь
Врачебная тайна	Позови ее по имени
Призрак другой женщины	К северу от любви
Тайну хранит звезда	Пепел прошлого
Семь лепестков зла	Без крестной феи
Свидание на небесах	Псевдоним украденной жизни
Ведьма отмщения	Цена откровения
Программа защиты любовниц	Конец игры с продолжением
Кинжал в постели	Шоу семейных секретов
Гнев влюбленной женщины	В интересах личного дела
Лучший день в году	Правда персонального формата
Нирвана для чудовища	Простить нельзя помиловать
Незнакомка с тысячью лиц	Лабиринт простых сложностей
Последнее прибежище негодяя	Теория вероятного чуда
Счастье с третьей попытки	Забавы мертвых душ
Подвенечный саван	Преступные игры гения
Заклятие счастья	Тайна за семью печалями
Торговка счастьем	По следам старых грехов
Амур с оптической винтовкой	Золотое правило молчания
Мсть Спящей красавицы	Дневники преступной памяти
Демон ревности	Последний секрет на троих
Преступно счастливая	Сто причин поверить
Изменница поневоле	Маршрут случайных пассажиров
Закон сильной женщины	Тест на доверие
Без вины преступница	Маскарад благих желаний
Пленная птица счастья	Герои старого кино
Ничего личного, кроме боли	Полезный третий лишний
Заговор обреченных	Неслышные шаги зла
Узнай меня	Возмездие по плану совпадений
Заповедник потерянных душ	Тень чужого врага

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРИНЦИП ОТЕЛЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Принцип Отелло : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247005-9

Жизнь Василисы Сахаровой складывалась безмятежно и правильно: заботливый муж, отличная квартира, хорошая работа, прекрасное окружение... И вдруг все как-то сразу рухнуло. Началось с того, что Санька Сигитов, друг детства, объяснился в любви. А потом исчез. Да еще при каких обстоятельствах — его обвиняют в отвратительном убийстве. Нет, такого просто не может быть! Ладно, с чувствами Василисы разберется потом. Сначала надо выяснить, кому понадобилось так подставить гениального хакера. Что хуже всего, куда она ни придет, обязательно наткнется на труп! Неужели Сигитов и правда безжалостный убийца, а не лучший друг, такой вихрастый и любимый...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г. В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247005-9

Глава 1

Что такое рикошет, Саня Сигитов успел узнать много раньше того момента, как прочел о нем в умных толковых книгах. Даже много раньше того, как вообще научился читать. Будучи еще совсем ребенком, он узнал об этом, пять лет ему тогда было или чуть больше. А произошло все вот так...

Кто-то из ребят (Артур Глебов, кажется) стащил у старшей сестры баскетбольный мяч и вытащил его во двор. Они тут же принялись играть. Колошматили им, насколько хватало их детских силенок, о стену. Силенок, конечно, было совсем мало, но они настырно пытели и раз за разом посылали мяч в стену.

Зачем же тогда Арчи было совершать кражу? — рассуждали они здравым детским умом. Не для того же, чтобы им запросто так вот сдать ся и начать хныкать, что мяч тяжелый и лететь, как надувной, не хочет. Они и упирались, пока кто-то из взрослых мальчишек не заметил их потуги и не поднял их на смех. Понятное дело, мяч они у них отобрали и уже сами принялись кидать его в стену.

Саня, Арчи и Димон были совсем не против, умовавшись до такой степени, что колготки под детскими брючками намokли от пота. И жаловаться не собира-

ТАЛИНА РОМАНОВА

лись, а собирались подождать, пока взрослые ребята, которым и было-то на тот момент лет по девять-одиннадцать, наиграются. Одним словом, повели себя достойно, невзирая на юность лет. И все бы закончилось отлично, не отскочи в какой-то момент мяч от стены и не ударь с силой Саню по лицу. Он тут же разразился громким ревом, помчался домой и начал жаловаться матери. Та, понятное дело, прежде чем отправиться на улицу кого-то приструнить, начала допытываться, что да как. Саня ей рассказал.

Вот тогда-то мать и произнесла магическое, как заклинание шамана, слово.

— Милый мой ребенок, — ласково улыбнулась она ему, она всегда улыбалась ему (ласковой, нежной улыбкой, редко хмурия брови и сжимая в тугую линию рот), — никто ни в чем не виноват. Это рикошет...

Ох как долго он потом, перед тем как уснуть, повторял то слово. Зарывался в подушку лицом, которое давно уже не болело, накрывался одеялом с головой и шептал, и шептал, и шептал:

— Рикошет... рикошет...

Ох как не понравилось ему это слово. Очень не понравилось. Ему было очень жутко и неприятно его произносить, но он снова и снова повторял его. Саня сильно надеялся на то, что чем он дольше будет его повторять, тем мягче оно станет. Не останется в нем грубого рокотания, перестанет так ерошить кожу мурашками зловещее шипение в самом конце. Так и уснул, ничего не добившись.

Проснулся наутро, совсем позабыв о неприятном инциденте с мячом, но намертво запомнив странное зловещее слово.

Через несколько лет, став школьником и успешно

окончив начальную школу, Саня как-то забрался в библиотеку отца, стащил с полки толстенный фолиант, пролистал до буквы «р», нашел странное слово, не дающее ему покоя с пяти лет, и прочел определение несколько раз. Толкование было длинным и пространным, Саня для себя усвоил лишь часть его: отраженное движение... Полет после удара обо что-то...

Вот оно, оказывается, что таило в себе странное слово. Вот как незамысловато объяснялось то, что если что-то обо что-то ударяет, это совсем не означает, что ты можешь оказаться вне зоны попадания. Наоборот, велика вероятность того, что и ты будешь задет, и тебе достанется. Пускай и не с такой силой, с которой изначально рассчитывалось, но больно-то может быть. И еще как...

Открытие потрясло десятилетнего Саню Сигитова. Он очень долго, почти все летние каникулы, размышлял о диковинных свойствах рикошета. Даже экспериментировать пытался на друзьях, пока те не заподозрили неладное и не надавали ему по шее. Он обиделся на них и потом целую четверть не разговаривал. В конце концов, конечно, помирился, но про отраженное движение, в большинстве своем приносящее боль, так и не забыл никогда. Более того, прожив четверть века и заработав репутацию, мягко говоря, компьютерного гения, а честно выражаясь — хакера, способного взломать все, что только возможно взламывать, не верящего ни в бога ни в черта, Саня в глубине души хранил суеверный страх перед странным определением. Определением, перекраивающим судьбы человечества под тем углом, под которым ему вздумается...

— Саня! Саня, оторвись ты наконец от компа! Вот

ТАЛИНА РОМАНОВА

смотри, нарвешься, дружище, на статью, будет тебе потеха!

Василиса Сахарова, подруга по детскому саду, школе и двум первым курсам института (потом она перевелась в другой вуз), перевернулась со спины на живот на его тахте, пристроила подбородок на двух кулачках, установленных друг на друга, и пробормотала с грустным недоумением, держа в руках телевизионный пульт.

— И сколько можно показывать сиськи с жопами, не пойму? На какой канал ни переключись, одно и то же. И в рекламе, и в клипах, и даже в мультфильмах на этом делается акцент. Смотрела тут недавно один мультик. Так там у мультяшной героини бюст из платья вываливался. Ноги от ушей, попка орешком. Чему детей учат! Не удивлюсь, если скоро ведущие программ новостей станут сидеть в студиях в чем мать родила. Для рейтинга, так сказать...

— Не болтай чепухи, — лениво отозвался Саня, не отрывая взгляда от монитора. — Тебя просто обычная бабья зависть гложет, вот ты и возмущаешься. А остальным, может, и нравится.

— Да прям! Я вот с мужем со своим сколько раз разговаривала на эту тему, так он категорически против.

Василиса украдкой скользнула взглядом себе за пазуху, где могло быть и побольше, вздохнула и тут же, выдернув правую руку из-под подбородка, пощупала складки на спине, перетянутые полоской лифчика. Где надо — не нарастает, а где не надо — пожалуйста. Да еще сколько!

— Муж твой никогда не станет тебе говорить правду, дурочка, — снисходительно хмыкнул Саня и

нахмурился, усмотрев на мониторе не то, что хотел. Тут же принялся стучать по клавиатуре, не забывая бубнить: — Какой же мужик признается своей жене, что ему она давно надоела, что девчонки с красивыми титьками и упругими попками ему много милее, даже если они и скажут в телике...

— Урод ты, Саня, — со вздохом произнесла Василиса. — Хоть бы раз для пользы дела соврал. Одно расстройство с тобой, придурком.

— Я же за правду, Васька! — Сигитов с облегчением выдохнул: ровные столбцы цифр снова запестрели так, как ему было надо. — Муж тебе врет, подруги врут, за спинами козни плетете друг другу. Я один только и способен тебе правду сказать.

— А что мне с твоей правды, Саня? Сиськи, что ли, вырастут? — Василиса перевернулась снова на спину, не без удовольствия поглазев на свой совершенно плоский живот — хоть тут-то природа-мать не разочаровала.

— На кой они тебе, Васька?! Дура ты, что ли? У тебя же есть.

— Мало!

— Так возьми и пришей. Сейчас все так делают.

— Муж не хочет. Говорит, что ненатурально.

— Правильно говорит... Опа! Есть! — Саня соскочил с крутящейся табуретки и заскакал по комнате. — Есть, есть, есть!!! Ха-ха-ха!!! Васька, есть!!!

Она наблюдала за его козлиным перескоком по комнате совершенно без интереса. Привыкла давно и к выходкам его идиотским, и к гениальности его. Одно другого совершенно не исключает, была она уверена. В Саньке всего было поровну. Наверняка теперь кого-нибудь снова щипанул, вот и скачет от ра-

ТАЛИНА РОМАНОВА

дости. И чудо случилось, и денег в кармане прибавилось. А вот что ее постоянно удивляло, так это то, с каким благоговейным трепетом воспринимал Санька свершение чуда, которое же сам и сотворил.

— Ты прямо как ребенок, — говаривала Василиса, когда он после своего странного перепляса замирал минут на десять, безмолвно созерцая дело рук своих. — Чего ты млеешь? Ведь гений ты, а не кто-то еще.

— Не-ет, Васька, ты ничего не понимаешь, — шептал он. — Это божий промысел, не иначе. Я порой и сам не понимаю, как все происходит! Надо же...

Все было точно так же, как и всегда. Наплясавшись вдоволь, Сигитов — верный друг, помощник и брат почти — уселся перед компьютером и с полуоткрытым ртом замер.

Василиса вздохнула. Придется срочно топать на кухню, что-нибудь поджарить или отварить, чтобы вывести его из созерцательного ступора, иначе ее визит может затянуться надолго. А сегодня ей нельзя. Сегодня любимая мама ее мужа к ним в гости грозилась нагрнуть.

С какой силой суеверно почитал Санька Сигитов слово «рикошет» (он покаялся ей однажды во хмелю), с точно такой же силой Василиса Сахарова ненавидела слово «свекровь». Оно вызывало у нее стойкое суеверное отвращение. Она даже произносить его вслух старалась как можно реже, твердо помня, что поминать лихо, пока оно тихо, не след. А что «свекровь» и «лихо» — слова однокоренные почти, Василиса была практически уверена.

— Саня, ты только вдумайся в смысл этого страшного слова, — рыдала она как-то на его плече. — Оно

состоит из двух частей: «све» и «кровь». Сечешь, что это значит? Не знаешь, так я тебе скажу: значит, бабе постоянно нужно напиться чьей-то свежей крови. В данном случае моей. Иначе она просто не выживет, если не напьется моей свежей крови...

Наверняка у Сигитова имелась более правильная формулировка для обозначения этого слова, но он промолчал. Молча поглаживал плачущую подругу по голове и старательно скрывал, что страдает вместе с ней. Но ему даже говорить ничего не нужно было — Василиса сама всегда чувствовала сердцем. Чувствовала его сопереживание, желание помочь, защитить, оградить и еще бог знает что сделать, лишь бы ей только было хорошо и комфортно.

Она поначалу подозревала его в тайной влюбленности в себя. Давно, классе в восьмом или в девятом. Пыталась кокетничать. Но Санька тут же пресек все ее выверты, спросив:

— Васька, ты дура, что ли? Ты ж свой в доску пацан для меня и вдруг заигрывать со мной вздумала! Ты прекращай давай...

Она и прекратила. И никогда больше не возобновляла попыток. И обоих такое положение устраивало, до самых сегодняшних пор.

На кухне у Сигитова царил образцовый порядок, насколько такое вообще возможно в холостяцкой квартире. Нет, все было вымыто, пол подметен, шторы на окнах чистые, стекла в них тоже. Но вот тарелки упорно игнорировали сушку над раковиной и стояли высокой ровной стопкой прямо на рабочем столе. Мол, чего надрываться-то, совать их туда-обратно? Нерациональное расходование энергии, считал Сигитов. Чашки присутствовали рядом. Две каст-

ТАЛИНА РОМАНОВА

рюли, чайник и сковорода — все его посудное имущество — топорщились чистыми боками на газовой плите. Их убирать тоже не следовало, поскольку они всегда должны находиться под рукой. Холодильник был забит до отказа вакуумными упаковками с уже нарезанной колбасой, треугольниками сыра, упакованными в фольгу, салатами в пластиковых контейнерах, фруктами и овощами. Мясо и рыбу Сигитов не покупал, считая, что на их приготовление уходит очень много времени. А его он был лишен. Время — единственное, чего ему всегда не хватало. В остальном он никогда не чувствовал себя обделенным.

Требовались ему деньги? Ну что ж... он брал и щипал кого-нибудь. Безобидно так, немного, но щипал, чтобы ему на жизнь хватало. Подработкой опять же он не брезговал. И если учесть, что платили ему, как профессионалу, более чем щедро, то в щипании и необходимости особой не было. Он занимался этим скорее из обычного спортивного интереса. Чтобы не потерять квалификацию.

— Сигитов, у тебя даже яиц нет! — заорала, возмущаясь, Василиса. — Ну что ты за мужик, в самом деле?

И как так вышло у нее — выразиться столь двусмысленно, она и сама не поняла. Но выпалила и только потом сообразила, что именно сморозила. Хорошо бы он не услышал ее вопля, подумала запоздало. Медитировал бы и медитировал себе...

Но Сигитов, сволочь ушастая, услышал. Влетел на кухню, округлив от возмущения до безобразия сексуальный рот. Вытаращил на нее свои карие очи и как заорет:

— У меня нет яиц?! Ты чего, Сахарова, совершен-

но оборзела?! Да они у меня... Они из железа, во! У кого хочешь спроси!

— Ну как же, пойду я спрашивать... — захохотала она во все горло. — Я вообще-то отсутствие яиц в твоём холодильнике имела в виду. Куриных яиц, между прочим. А ты о чем?

Сигитов засопел со злостью. Схватил с сахарницы баранку с маком, лежавшую там еще с прошлого визита Василисы, которая не была у него пару недель, и принялся грызть, отвернувшись к окну.

— Чего есть-то станем, Саня? У тебя тут один пластик, — попеняла она ему, роясь в недрах холодильника. — Жрешь черт-те что! Домработницу себе, что ли, заведи, чтобы готовила тебе.

— Ага! А она станет мои секреты воровать... Посоветовала тоже! — фыркнул гений с набитым ртом, целиком, что ли, баранку воткнул? Откусить-то так и не сумел, сколько ни пытался. — Да ты чего, Васька? Чтoб чужой человек в доме... Нет, это не для меня!

— Женись тогда, — подергала она плечами, узрев на нижней полке две пачки творога с изюмом.

— Жениться? Ну ты... ну ты вообще спятила!

Он повернулся к ней и глянул как на больную. Колесико баранки и в самом деле угадывалось за его левой щекой — не разгрыз, стало быть.

— Жениться, мне? На ком?

— На Вальке Луневой, к примеру, — продолжила она его злить, прекрасно зная, что упоминание о Валентине ее друг воспримет в штыки. — У нее дом за городом после смерти отца остался. Двухэтажный, между прочим! Будет где твоей гениальности парить...

— Да-да, конечно, — с елеиным присвистом перебил ее друг, помощник и брат почти. — Только не

ТАЛИНА РОМАНОВА

забудь, что к двухэтажному особняку, где, предположительно, должна будет парить моя гениальность, прилагается еще Валентина Лунева, у которой грудь, прости, размером с твою задницу. Я таких не люблю. И мама ее тоже в приложении числится.

— И что? Чем мама тебе не угодила?

Василиса вывалила творог из упаковок в высокую миску, добавила туда четыре ложки манки, быстро вымесила и начала катать шарики, плюща их потом до формы сырников. Она знала, что Санька сырники любил, потому и творог всякий раз покупал, чтобы она приготовила. Пачек было две, лежали в дальнем углу холодильника, стало быть, купил давно. Устал ждать ее визита, потому и задвинул подальше и не обновлял давно.

Она, между прочим, тоже по нему скучала. И рвалась душой чуть ли не каждый день в его холостяцкую квартиру. Но вырвешься тут, как же! Муж гундосит: дома сиди. Свекровь... Бр-рр, какое же слово кровожадное! Вампирское слово, честное слово!

— Мама? Теща то есть? — вопил Сигитов, гоняя во рту колесо баранки. — Теща... Слово-то какое приятное! Что-то такое шипящее, тянучее... Ящур почти!

— Ну, договорился, — фыркнула Василиса, сноровисто переворачивая на сковороде румяные сырники. — Ты мне лучше вот что скажи: ты когда свою жизнь устраивать собираешься? Или так и станешь век бобылем доживать?

— Ну, ты прямо как матушка моя покойная... — хихикнул Сигитов, наблюдая с вытянутой шеей за ее стряпней. — Ой сырнички! Супер! А устраивать жизнь без тебя, Васька, я не могу.

— Еще чего! — Сахарова выключила газ и быстро

переложила сырники на тарелку, взяв верхнюю из стопки. — Я, что ли, должна тебе бабу в постель привести? Нашел сватью!

— При чем тут это, дура? — Саня выплюнул наконец залежалую баранку, которую все гонял во рту, но так и не довел до съедобной кондиции. — Я не о том вообще!

— А о чем? — Она снова полезла в холодильник и теперь заметила там банку сгущенки. — А как я еще должна тебе помочь твою жизнь устроить? Как?

— Ты... ты должна в ней просто быть, Васька, — неестественно натянутым голосом вдруг брякнул он ей в спину. — Быть всегда и не исчезать. Таковы все мои требования с желаниями. Вот...

Глава 2

С того памятного вечера прошло почти полтора месяца. Наступила весна, очень рьяно начав топить лед, тревожить почки на деревьях и рыхлить землю резво рвущейся на свободу травой. Солнце уже ощутимо припекало: у Василисы за выходные дни, проведенные в обществе мужа и свекрови на даче, даже лицо загорело.

— Ты чего, деточка, глаза себе портишь? — квохтала свекровь, следовавшая за ней везде по пятам. — Разве можно столько на солнце смотреть! Вот спалишь роговицу...

— У меня глаза закрыты, — неохотно отвечала ей Василиса.

ТАЛИНА РОМАНОВА

— И что? Ультрафиолетовые лучи проникают сквозь такой тонкий покров кожи и...

И так далее, и тому подобное в течение двух дней. Деточка то, деточка се... Деточке следовало беречь свое здоровье, а не ходить по улице на сквозняках с голым пупком. Ей, мол, еще рожать надо и мужа ублажать. А какое может быть здоровье у женщины, разгуливающей по улицам с голым пузом?

Ох, господи, как же она Василисе надоела за два дня! Как обрыдли ее причитания, нравоучения, намеки! От последнего вообще можно было утопиться в любой луже, даже если она размером с пятак.

Мария Федоровна ждала внуков. Все жаждала понынчиться, поиграться, соседкам своим похвалиться. А деточка никак не могла забеременеть. Вот беда-то! А почему? Да потому, что непозволительно короткие юбки носит, живот оголяет без дела, зимой панталонами брезгует, носит вместо теплой одежды одни нитки.

Ну да, Мария Федоровна не брезговала даже ее трусы инспектировать, которые сохли на полотенцесушителе в ванной. И любимые Василисой стринги называла нитками. И ужасалась притворно, всякий раз потрясая ее трусами у Вадика перед физиономией. Вот, мол, полюбуйся, что твоя жена носит. Тот морщился и молчал. Молчал понятно почему — маме перечить не смел. А вот почему морщился, Василиса не знала. И любопытно ей было: потому ли, что негигиеничной считал мамину выходку, или в самом деле разделял мамино мнение относительно нижнего белья своей супруги?

— Деточка, пойдем что-нибудь приготовим Вадика. Он работал, устал, проголодался. Идем, идем...

Уморительный труд Вадика заключался в том, что

он второй день никак не мог навесить калитку. То у него гвозди гнулись и в сухое дерево не хотели влезать, то петли из рук вырывались, то калитку ветром качнуло в самый неподходящий момент. Уж он, бедолага, потел, пыхтел... Сквернословить хотелось ему наверняка, да при маме стеснялся. Дома, сто пудов, отыграется.

— Идем, деточка, сварим Вадику супчик.

Супы Вадик ненавидел. Он ими был закормлен с детства, поскольку мама потчевала ими его в день три раза, считая, что полезнее нет ничего. От жены он требовал жаркого в горшочках, грибов под сложным соусом, хорошо прожаренных бифштексов, картофеля во всех видах, салатов изысканных, мидий. Произносить слово «суп» в их доме было запрещено. Оно у него вызывало аллергический нервный тик всего тела. Но при маме...

При маме запрет был даже на невроз. Его Вадик тоже приберегал до дома. У мамы за обе щеки уплетал похлебку и нахваливал, а дома на Василисе отрывался.

— Деточка, какой супчик станем готовить Вадику? — закурлыкала Мария Федоровна, вытаскивая из старого дощатого комода крохотную алюминиевую кастрюльку. — Может, гороховый?

— Нет! — чуть громче, чем полагалось, воскликнула Василиса, свято храня тайну, что от горохового супа у Вадика еще и кишечные колики. — Давайте лучше лапшу.

— Ну что ж, лапшу так лапшу... — недовольно поджала тонкогубый рот свекровь. — Вечно вам не угодишь. Подай мне пакет с мукой, деточка.

Ее имя Мария Федоровна игнорировала с первого дня знакомства, считая его немодным и даже кошачь-

ТАЛИНА РОМАНОВА

им. Никаких производных от ее имени признавать тоже не хотела. Прилепила ей человеческую вполне кличку «деточка», тем и осталась довольна.

Вадику имя жены тоже было не очень по нраву. Он его долго коверкал на все лады, пока не остановился на имени Валиса, благополучно опустив слог «си». Один только Санька и млел от ее имени, называя ее то ласково Василисушкой, то официально-снисходительно Василисой Микулишной (хотя она была Егоровна), то Васькой. И так как-то выходило у него здорово, что Василиса со временем и сама полюбила свое имя, хотя в детстве нередко рыдала по его поводу.

Санька... Ох, Санька, Санька! Ну и наделал дел...

Василиса поспешно сунула свекрови в руки пакет с мукой и заспешила на улицу. Не дай бог разреветься при старой чокнутой дуре, тогда точно топиться придется. Она ведь не отстанет и будет придумывать и придумывать ее слезам объяснение за объяснением. Начнет донимать Вадика, а тому и без того труба дело — ему еще суп сегодня есть придется. Он станет нервничать, дома все будет накалено докрасна после этого. А ей такое надо?

Она все же всхлипнула тихонько на заднем дворе, усевшись на вязанку никому не нужных дров. Печки в доме не было — давно газ провели, еще свекор покойный постарался. Костров на этом дворе тоже не разводили (канцерогены и все такое), шашлыка не жарили — купить готовый можно. Василиса подозревала, что дрова тоже от покойного свекра остались в наследство. Ну что же, хоть за то ему спасибо. Она хоть на них посидеть может вдали от посторонних

глаз, и погоревать тихонько, и поругать этого дурака чертова — Саньку Сигитова.

Ну и наделал дел, ну и наделал! Какого черта молчал все эти годы? Почему раньше не сказал? То она была для него своим в доску пацаном, а то вдруг в его жизни должна быть. И вот как понимать его слова прикажете? Когда прозрел, когда созрел? Четвертак жизни должен был прокатиться, чтобы он до такого решения дозрел, да?

А ей что теперь делать? Вадика бросить она не может. Она его любит... кажется. Да и страшно как-то бросать теперь, когда все только-только налаживаться стало. Она за многое ему была благодарна: за мужество, к примеру, за выдержку, за терпение, за твердое плечо, которое он несколько лет подряд подставлял ей.

Сколько они мотались по съемным углам, сколько мытарств и лишений претерпели! Бывало, что на одной раскладушке спали в обнимку. И чай вприкуску с малосольными огурцами пили, потому что больше не с чем и не на что купить. Потому что студентами были. Потому что к его родителям на поклон не хотели идти, поскольку Василису не приняли ни мать, ни отец. А ее родители бросили дочку еще в младенчестве на бабушку, которая умерла, оставив ей лишь деньги на спецсчете на обучение. У Василисы хватило ума выучиться, а не спустить все деньги на шмотки и гульбу. У Вадика тоже хватило ума не претендовать на те деньги. Он даже согласен был хлеб с солью есть, лишь бы Василиса окончила учебу. За это она ему тоже была жутко благодарна.

А когда он, первым окончив учиться и первым устроившись на работу, принес ей в подарок с первой